

30 ШАГОВ к тебе

Путь к любви
занимает вечность

**МАРИАН
ФЕЛИС**

*МАРИАН
ФЕЛИС*

***30 ШАГОВ
к тебе***

ПРОЛОГ

РОДИТЕЛИ ОПЯТЬ РУГАЛИСЬ. Очень громко, агрессивно. Порой из кухни доносились звуки бьющейся посуды и падающих на пол предметов. Я сидела на кровати, заплетала волосы в густую косу и ждала. Другого выхода не было.

Два года назад, едва я поступила в местный университет, моя сестра-близнец Ольга погибла — и отец заплакал. Иногда он пил сильно, до беспамятства, мордобоя и слез, а иногда жажда алкоголя затихала на месяц-другой. Но рано или поздно все начиналось сначала.

Я поняла, что ссоры не миновать, когда вернулась с учебы и увидела разбросанные в коридоре ботинки — первый признак, что отец невменяем. В его последний запой ситуация ухудшилась: он и раньше порывался в пылу ссоры ударить маму, а в этот раз не сдержался. Наверное, понимал, что это неправильно, что так нельзя, но сейчас... они словно специально доводили друг друга до истерики.

Я закончила с прической и замерла: все звуки резко стихли. Это плохо. Так быть не должно! С рвущимся из груди сердцем я вскочила с кровати и побежала к родителям.

— Только бы все были живы, — повторяла как мантру, — пусть будут живы.

Мама стояла около окна. Она выглядела ужасающе спокойной, несмотря на то что у нее была разбита губа, а из носа текла кровь. Словно не побои терпела, а ловила дзен каждой клеточкой тела. Отец сидел на табурете за столом, обхватив голову руками, качался взад-вперед

и тихонько мычал. Он так делал, когда творил что-нибудь ужасное и осознавал масштабы бедствия.

Мама прикрыла ладонью рану, оторвалась от подоконника и пошатываясь побрела в ванную. Я хотела все высказать отцу, но не хватило духа. Слова вылетели из головы. Секунду назад в мыслях выстроилась пламенная речь, которая, как мне казалось, наставила бы его на путь истинный, но в одно мгновение она исчезла. Да и разве помогли бы простые слова в такой ситуации? Вряд ли. К тому же дрожь не давала сосредоточиться. Я поняла, что боюсь отца.

Тихонько нырнув в ванную следом за матерью, я помогла достать аптечку из тумбы под раковиной, вытащила нужные лекарства и оставила ее одну. И так знала, что мама выставит меня за дверь и не примет помощи. Никогда не принимала.

— Не говори бабушке, Мил, — едва слышно попросила она.

Мне бы хотелось попросить совета у подруг, но с девочками из универа отношения сложились натянутые, а те, с кем я тусовалась по вечерам в одной компании, не давали контактов и не считали меня «своей». Единственным вариантом, который я видела в тот момент, была крыша. Натянув толстовку, я закинула на плечо рюкзак, спрятала телефон в карман и вышла из квартиры. Ноги сами понесли меня наверх — я хотела успокоиться и посмотреть на *него*.

ГЛАВА 1

Я ВИДЕЛА ЕГО КАЖДОЕ утро, в 08:43. Он торопливо выскакивал из квартиры, всегда виновато и в то же время хитро улыбался, собирал длинные светлые волосы в пучок на макушке, закрывал дверь и бежал на остановку. Я же глупо таращилась в ответ, медлила у входа в нашу квартиру, потом внимательно следила из окна парадной — провожала взглядом широкую спину, не решаясь бежать следом. Такое поведение — удел неудачниц и сталкерш, и я понимала, что слишком близко подобралась к этому званию.

Его звали Денис Шошин, ему исполнилось двадцать пять, он работал в приличном ресторане в центре города, где получал неплохие чаевые от девушек разных возрастов. Конечно, его благодарили не за безупречное обслуживание, посетительницам нравилась его внешность: правильные черты лица и яркие голубые глаза. Восхищенные гости то и дело пытались привлечь его внимание. Наверное, будь у меня крупица таланта, я бы вылепила его из глины или нарисовала. Однако Всевышний обделил меня этими умениями. Зато Денис, ко всем остальным своим плюсам, был неплохим художником. Как влюбленная дурочка, я была готова скупить все его картины и повесить на стену комнаты. Если бы только имела достаточно денег... Но мне не посчастливилось родиться в богатой семье, а деньги от подработки незаметно уходили на продукты.

Один снимок вышел особенно удачным: на нем Денис задумчиво смотрел на закат. Безнадежно влюбленная, я пыталась отретушировать фото, чтобы потом

поставить в рамку, но и тут все пошло не по плану: из невесомого и легкого изображение стало синим и хмурым, а Денис, похожий на ангела, превратился в аватара.

Мы познакомились случайно. Шошин переехал в квартиру, доставшуюся им с братом от бабушки, и сразу столкнул меня с лестничной клетки. Я не заметила Дениса, когда выходила из квартиры: качала головой в такт музыке из наушников и не смотрела по сторонам. Он, видимо, тоже — хватило одного легкого столкновения плечами, чтобы я потеряла равновесие.

Само падение вышло удачным: кости целы, голова тоже. Единственное, что пострадало, — самооценка, потому что с криком ко мне на помощь спешил настоящий ангел. Тогда Дэн не собрал волосы в хвост — золотистые кудри падали на лицо, делая его почти нереальным, божественным, недосягаемым. Но подкупило меня даже не это. Он умел говорить: убеждать, флиртовать — и делал это открыто, не стесняясь.

— Ты не работаешь моделью? — серьезно уточнил он. Как любая нормальная девчонка, я расплылась в глупой улыбке и помотала головой. Впервые мне делали комплимент. — Ты очень красивая, так бы рисовал и рисовал.

Мама твердила, что я слишком стеснительная. Таких, говорила она, по жизни съедают с потрохами. Поэтому я избегала парней и общения с ними — боялась. Но тогда... то ли слишком сильно ударилась о ступеньки, то ли неприкрытая ложь показалась правдой, но я решилась спросить:

— Ты художник? — Мой голос дрожал.

Неловко поднявшись, я наконец посмотрела на своего героя. Первым делом отметила: он мог бы быть и выше, но этот недостаток перекрыло красноречие.

— Немного рисую, — хитро подмигнул он. — Живешь тут? А мы недавно переехали.

Я несмело кивнула. Рядом с ним мое внутреннее равновесие рассыпалось, как песочный замок на солнце, а ориентиры сбились.

— Давай погуляем вечером?

Как наивная дурочка, я сразу согласилась — и следующие шесть часов выбирала наряд, представляя, чем мы займемся, мечтая о первом поцелуе и, возможно, даже о чем-то большем. Я так погрузилась в фантазии, что едва не опоздала на встречу. Ольга, моя сестра, тогда подшучивала, что я слишком серьезно отнеслась к первому свиданию. Она была очень популярна у парней, поэтому с важным видом поучала меня всякий раз, когда разговор заходил об отношениях.

— Ох, Милка, с пацанами одни проблемы. — Она с таким рвением принялась красить ресницы, будто сама собиралась на важную встречу. — Не советую тебе терять голову. Хотя ты и так всегда на высоте, я буду рядом и помогу если что.

Оля не пустила меня одну — наверное, хотела посмотреть на парня, пригласившего меня на свидание. Она всегда твердила, что слишком красивым людям верить нельзя, особенно противоположному полу. Поэтому мы опасливо поднялись на девятый этаж, затем на чердак — и сразу же расстроились. Оказалось, это было не свидание, а сходка местной молодежи.

На крыше, с которой открывался впечатляющий вид на центр города с такими же девятиэтажками, торговыми центрами и шпилем бизнес-центра, было много народа. Парни сидели на раскладных стульях слева от входа, девочки расположились справа и играли в настолку. Чуть дальше были растянуты провода, под ногами валялись металлические прутья, упаковки из-под чипсов и полупустая бутылка лимонада.

Все во дворе знали Дениса: летом он иногда приходил в гости к бабушке и познакомился с парнями еще года два назад. И хотя раньше он не тусовался с ребятами, быстро нашел с ними общий язык, а те пригласили его в компанию.

Вообще-то Оля такие сходки не любила, а меня до того момента вообще не звали. Причин было несколько. Первая — моя природная скромность. Я всегда была слишком молчаливой. Кто-то считал меня забитой и чересчур юной. Даже когда стала тусоваться в компании, слышала подобные комментарии в свой адрес. Это не обижало: в глубине души я знала, что это правда. Вторая причина — моя сестра. Оля боялась высоты и не слишком уважала подобные встречи на крыше. Считала, что гулянки ни к чему хорошему не приводят:

— Это ведь опасно! Там высоко и к тому же зима! Что там делать?

Я всегда соглашалась с сестрой, следуя за ней безмолвной тенью. Улыбалась, смеялась, иногда говорила невпопад. Мне было тяжело общаться с людьми без ее поддержки. Мы дополняли друг друга. Оля вечно болтала со всеми, легко находила контакт и новые знакомства, но действовала импульсивно, ничего не обдумывая. Я же хоть и с большим трудом общалась с людьми, зато всегда вовремя тормозила сестру, спасая от беды... Без нее я превращалась в ничто. Ну и третья причина — наш отец, который раньше работал в полиции. Ребята решили, что тихоня-сестрица будет каждый день докладывать ему о происходящем, иначе зачем ей вливаться в их компанию?

За меня вступились Шошин и сестра. Он был авторитетом для парней и любимцем девчонок, поэтому попросил всех отнестись ко мне с пониманием, особенно когда Оля — такая же заводная и веселая — стала с ним встречаться, бросив меня на произвол судьбы

в незнакомой компании. После слов Дениса меня старались не доставать. Никто не стремился сблизиться, но и не шарахались как от прокаженной.

Все рухнуло после смерти Оли. Я замкнулась в себе, перестала разговаривать и чувствовала себя чуть лучше только на крыше. Пока не поняла, что и там никому не нужна. Ребята отвечали на вопросы и задавали их, чтобы подшутить или использовать ответы против меня. Дэн помочь не мог — парни хоть и прислушивались к его мнению, зачастую все делали по-своему. И даже спустя два с половиной года, среди смеха, музыки и веселья, я чувствовала себя одинокой.

Наверное, стоило открыться, сделать шаг навстречу общению. И я пыталась, правда! Сперва с девочками: подходила сама и заводила беседу, но в ответ получала ухмылки, кривые взгляды и фырканье. В компанию меня привел Денис, поэтому отношения с девушками не складывались. С парнями было сложнее. Парочка кавалеров проявили симпатию в первые же сутки и хотели пообщаться наедине. Но я, хоть и замкнулась в собственном мире, наивным одуванчиком не была. Быстро поняла, откуда растут ноги, и послала их далеко и надолго. В итоге единственным человеком в компании, с кем я реально могла поговорить, был Дэн. Обычно он предпочитал общество девочек более раскрепощенных и менее замороченных, но все равно пытался со мной сблизиться. После трагедии я закрылась и от него.

Я спряталась в свою ракушку от всего мира и, самое главное, от себя самой. Может, стоило снять наушники и поболтать с ребятами, хоть как-то обратить на себя внимание? Признаться, как мне тяжело переживать смерть сестры, как больно каждый день осознавать, что от нашей семьи осталась лишь красивая внешняя оболочка, а внутри — сломанный лед. В мыслях все

казалось простым, но на деле хранимая тайна день за днем отравляла меня, заставляла забиваться все дальше в раковину, не давала выглянуть наружу. Наигранная улыбка и опущенный взгляд стали моими постоянными спутниками. Да, я смеялась и мастерски делала вид, что все слышу и понимаю, хотя на самом деле была погружена в печаль и едва ли улавливала смысл того, что говорили ребята.

На совместных фото меня почти не было — я пряталась и ловко уходила от объектива. Хотя сама с удовольствием ловила камерой старенького телефона красивое лицо Дениса. Теперь в памяти хранились десятки «случайных» кадров. В основном неудачных, но от этого не менее дорогих. И после очередной семейной драмы мне требовалось пополнить личную коллекцию снимков.

Ребята уже расходились, когда я поднялась на крышу. Кивнула парням, сидевшим на старых садовых стульях, притащенных с чьей-то дачи, улыбнулась девчонкам. Некоторые ответили, кто-то проигнорировал. Ничего нового. Они считали меня чужаком.

Денис держался в стороне — говорил по телефону. Эмоционально, иногда зло: размахивал рукой, хмурился, кривился и периодически убирал гаджет от уха, чтобы посмотреть на экран. Я остановилась на полпути к любимому уголку и стянула наушники.

— А что происходит? — кивнула я на Шошина и нахмурилась.

Я впервые видела его таким разъяренным и нервным. Что же случилось?

— С Анькой поругался, — отмахнулась Вика Кораблева — длинноногая, черноволосая девушка с сомнением принцессы. Она одна из немногих, кто хорошо ко мне относился — без намека на пренебрежение. К тому же Вика любила сплетни и была готова

выболтать все тайны — свои, чужие, без разницы. — Ничего, сейчас поругаются, потом помирятся.

Я попыталась вспомнить, о ком она говорит, но в голову никто не приходил.

— Что за Анька?

Вика скорчила кислую мину и проворчала:

— Ну ты как всегда, Воронина! Дэн с ней встречается уже полгода, ты опять все проспала! Реально, блин, постоянно в облаках витаешь, что ли?

Мне всегда казалось, что выражение «сердце пропустило удар» утрировано и в жизни такого не бывает. Так вот: очень даже бывает! Мое сердце в тот момент сделало предсмертный кульбит и готовилось унести в небо — подальше от ужасных новостей. Почему он? Почему сейчас? И, самое главное, почему не я? Ноги стали ватными. Я едва сделала шаг, как слабый огонек надежды заставил замереть и обернуться.

— У них все серьезно?

Вика с довольной улыбкой затараторила в ответ:

— Конечно! Дэнчик уже кольцо купил, чтобы Аньке предложение сделать, а они потом поссорились! Представляешь?! Наши девки с ума сошли, когда узнали! Сразу стали к Дэнчику подкатывать.

— Представляю, — тихо сказала я и побрела в самый дальний угол.

В голове — миллион мыслей, одна страшнее другой. Потому что на самом деле я не представляла, зачем Денис сделал предложение и как жить без общения с ним. Не знала, как справлюсь со своей сумасшедшей жизнью. Без него я утону в собственных страхах и воспоминаниях.

Вытащив из-под крыши старого вентиляционного канала пакет с плоской подушкой, я кинула его на стул и обессиленная рухнула следом. Глянула последний раз на Дэна и отметила, как он хорош с блокнотом и ручкой

в руках. Мысли бушевали, как штормовое море, эмоции захлестывали холодными волнами, заставляя ежиться. На улице стояла жара — даже вечером было под тридцать, — а я все равно замерзала. Но не телом — душой.

Солнце медленно скатывалось за дома, окрашивало небо в ярко-розовый, апельсиновый и коричнево-оранжевый цвета. С крыши открывался замечательный вид на город, который каждый вечер застывал в свете фонарей и объятиях северного ветра. Справа выглядывала острая пика «свечки» — местного бизнес-центра. Рядом с ним высились золотые купола церкви и макушка колеса обозрения. За деревьями и домами виднелись край реки, телебашня, больше похожая на мачту со сложенным парусом, и мост. Всюду на крышах старых многоэтажек торчали антенны, на которых рядками сидели птицы. Какое-то время с детской площадки внизу доносились звуки, но затем музыка и смех постепенно стихли. В какой-то момент я обернулась, чтобы оценить оставшуюся публику, и увидела, что все разошлись. На лавочке недалеко от выхода сидел Макс, младший брат Дениса.

Они не были похожи ни на родных братьев, ни на дальних родственников. Дэн — среднего роста, с длинными волосами цвета пшеницы и голубыми глазами. Недостатки он компенсировал природным обаянием, умением убалтывать девчонок и походами в качалку — мышцы выпирали даже через рубашку. Зато младший брат всячески избегал шумных компаний и либо не участвовал в тусовках, либо приходил ближе к концу. Макс был высоким — как минимум на голову выше меня, с темно-каштановыми волосами, торчащими в разные стороны. У него были острые черты лица и тяжелый взгляд. На левой щеке — небольшая россыпь родинок, из-за чего Макс всегда стоял к собеседнику чуть боком. И хоть цвет глаз у Дениса и Максима

совпадал, те, кто не знал братьев Шошиных, не верили, что они приходились друг другу родственниками. Особенно они различались характерами. Окружающие не понимали, как можно быть настолько разными, ведь Дэн мгновенно располагал к себе, а Макс чаще огрызался и отмалчивался.

В другой день я бы проигнорировала Макса, но именно сегодня видеть его не хотелось. Каждой чертой он напоминал своего брата, а мне нужно было выкинуть его из головы как можно скорее. Именно поэтому я встала со стула, убрала подушку, спрятала блокнот с корявыми стишками в сумку и двинулась к выходу. Макс тоже резко вскочил и ломанулся к небольшой надстройке, через которую мы попадали на крышу. На месте, где он сидел, остался белый лист.

— Эй, ты забыл! — крикнула я в удаляющуюся широкую спину и нехотя подбежала к лавочке. Ветер едва не вырвал из пальцев бумажку.

— Это не мое! — рыкнул парень через плечо и скрылся в темноте. — Выбрось!

Потерянная и разбитая, я осталась в одиночестве, глядя в темноту тамбура — так мы называли помещение, в котором находилась лестница в дом. Я не знала, что делать. Говорят, всего один взгляд может изменить жизнь, даже если она кажется потухшей и пустой. Со мной было так же: перевернув лист другой стороной, я застыла. Потому что там — на белой мятой бумаге — была нарисована я. И это стало первым шагом к моей цели — узнать имя художника.

ГЛАВА 2

РИСУНОК МНЕ ПОНРАВИЛСЯ. В нем было что-то безнадежное и грустное: я, глядящая в пустоту, с ручкой у губ — наверное, художник подловил меня в попытке написать стихи. Это был скорее набросок, чем полноценный портрет, — небрежные карандашные штрихи и только общий контур, но мне нравилось. Потому ли, что художник вложил в него душу? Или потому, что шероховатости указывали на спешку: меня явно рисовали, сидя в неудобной позе, когда пришла муза. Скорее всего, автор оставил рисунок на лавочке, а Макс случайно сел на него. Меня захлестнула внезапная злость на младшего Шюшина, и я, разглаживая лист, пробурчала:

— Не мог свой зад в другом месте опустить?! Чуть не испортил рисунок!

Я прокралась в квартиру под бешеный стук сердца, боясь разбудить родителей, и тут же нарвалась на отца. Он стоял в коридоре, покачиваясь из стороны в сторону, как тонкое деревце на сильном ветру.

— Где ты была? — спросил он, сфокусировав на мне мутный взгляд, и внезапно выхватил злосчастный рисунок.

— Отдай, — жалобно проскулила я.

В голове испуганной чайкой билась мысль: «Молчи! Молчи! Ни слова! Иначе будет хуже...» Отец замахнулся — и застыл. Не смог. На этот раз.

— Хватит шлаться по ночам! — зло прорычал он и бросил в меня смятым рисунком.

Я не двигалась — боялась пошевелиться, даже губы застыли в молчаливом крике. В такие моменты нельзя было привлекать внимание, ведь отец мог... О том, на что он способен, думать не хотелось.

Когда он скрылся за дверью спальни, трясущейся рукой я подняла рисунок и прошмыгнула в свою комнату — в пространство, куда родители больше не заходили, потому что все внутри напоминало об Ольке: постеры, гирлянды, сотни маленьких фото и повсюду на стикерах цитаты из песен и фильмов. Прошло два года, а рука так и не поднялась убрать их — я часами могла разглядывать Олины вещи. Может, я оставила их как напоминание о том, что жизнь коротка и не стоит растрачивать ее на всякую ерунду? Становилось ли легче от таких воспоминаний? Нет. С каждым разом я все больше погружалась в себя, в собственный океан пугающих мыслей, рискуя однажды не выплыть.

Я положила изрядно помятый лист на письменный стол, разгладила и придавила книгой — хотелось сохранить первое откровение моего тайного поклонника. Я была уверена, что это только начало.

— Прости, Оль. — Я с сожалением сняла один из ее плакатов над своей кроватью — его когда-то повесила сестра, так как на ее половине комнаты место закончилось. Оля строго-настрого запретила его снимать, но теперь мне нужно место под личную галерею. Даже если в ней так и останется всего один портрет.

С тревожными мыслями о завтрашнем дне я уснула слишком поздно и утром не успела столкнуться с Денисом. А мне так хотелось невзначай спросить, что он рисовал вчера на крыше... Не он ли оставил рисунок? В нашей компании только Шошин отличался художественным талантом, остальные к рисованию были равнодушны. Значит, единственный, кто мог нарисовать портрет, — Дэн. Сердце предательски дрожало, стояло

